

Галина Валентиновна ТЕЛЕГИНА —
 директор Регионального института
 международного сотрудничества,
 кандидат филологических наук, доцент

УДК 088:821

**«ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ», «ЭКОНОМИКА СУПЕРСИМВОЛОВ»,
 «ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ»: МАГИЧЕСКИЕ
 ЗАКЛИНАНИЯ ИЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные интерпретации перемен в современном обществе. Они иллюстрируются на примере двух подходов, представляющих собой два противоположных полюса политического спектра: футуристические теории информационного общества, с одной стороны, и подход Г. Шиллера с позиций критической теории.

In the article the contested interpretations of changes in the contemporary society are being considered and illustrated on the example of two approaches, representing extreme poles of the political spectrum: futuristic theories of information society, and a critical theory approach of H. Schiller.

По выражению известного британского социолога Кришана Кумара, ярлыки, как и сплетни, живут своей собственной жизнью. Как только они основательно утвердились в научном или политическом контексте, они могут управлять реальностью. Они вдохновляют проведение конференций, написание книг, создание телевизионных программ. Они становятся объектом целых областей теоретического исследования, которые «кормят» целые плеяды исследователей и критиков [1]. Разумеется, Кумар далек от мысли, что такого рода «дискурсы» не могут содержать «зерна истины» и породить действительно ценные гипотезы, смысл состоит в предупреждении против готовности некритично и с готовностью воспринимать модные ярлыки, претендующие на «красивое и простое» объяснение сложных вещей.

Даже беглый взгляд на современную западную и отечественную социально-философскую и социологическую литературу, а также политический дискурс и публикации в средствах массовой коммуникации наводят на мысль о том, что на смену ключевым понятиям «великих нарративов» предыдущих двух столетий в «анализе современной эпохи», таких как «капитализм», «рациональность», «индустриализация», — пришли, вместе с «глобализацией», образы «общества знания», «информационного общества», «суперсимволической экономики» и «общества, обучающегося всю жизнь» (learning society, life-long learning). Все чаще информация определяется как главный отличительный признак современного мира, все более привычными становятся утверждения о том, что мы входим в информационную эру, живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной», или «суперсимволической» экономике [2], движущей силой которой стала информация, что мы уже живем в условиях «глобальной информационной экономики» и «глобального информационного общества» [3]. Идея информационного общества явно импонирует политическим и экономическим элитам, однако очевидно, что и критически настроенные «интеллектуаль» в большинстве своем согласны принять приоритетность информации и знания в современном обществе как факт, давая собственные оценки и интерпретации сущности, роли и особенностей распространения информации. Для технократических «оптимистов» это означает создание действительно профессионального и заботящегося о своих членах общества. Более «пессимистично» (или реалистично?) настроенные аналитики видят в этом опасность усиления контроля над гражданами и еще большей поляризации власти и положения в обществе на основе знания/власти. Других беспокоят вопросы сохранения гуманистической культуры в неуютном мире киберпространства и виртуальной реальности.

Поскольку эти волшебные формулы уверенно и с легкостью употребляют представители взглядов широкого политического спектра — от крайних консерваторов до современных марксистов, они стали неотъемлемой частью терминологического жаргона представителей взаимно противоречивых философских взглядов на современное нам общество, представляется интересным более внимательно рассмотреть вкладываемые в эти словосочетания смыслы. Это позволило хотя бы отчасти прояснить, насколько оправдано провозглашение «информации», «знания» и «образования» в качестве ключевых факторов развития современной экономики и общества, насколько правомерно более или менее явное отождествление общества и экономики, и не происходит ли с этими терминами та же история, что и с другими клишированными понятиями, такими, как «демократия», «свобода», «либерализм» и пр. Складывается впечатление, что и те, и другие все более утрачивают аутентичность, приобретая инструментальную функцию «магических формул» и привлекательных ярлыков, служащих легитимизации конкретных, часто взаимоисключающих, интересов.

Хотя большинство западных теоретиков не отрицает, что информация в современном мире играет важную роль, одним из главных «водоразделов» в их взглядах является интерпретация сущности происходящих перемен: являются ли они признаком перехода к качественно новому типу общества или логическим продолжением и относительно новой формой ранее установленных отношений. К сторонникам первой точки зрения относятся Д. Белл с его многочисленными продолжателями, М. Кастельс со своей теорией «сетового общества», а также некоторые теоретики постмодернизма, например, Ж. Бодрийяр, М. Постер. Идею социальной преемственности поддерживают Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Д. Харви, Г. Шиллер, а также авторы регуляционной теории М. Альетта и А. Липиц с многочисленными версиями их теории, опирающимися на терминологию постфордизма.

Естественно, в рамках одной статьи невозможно представить огромный поток литературы, где рассматриваются проблемы «информационной эры», поэтому более скромной и, может быть, более реалистичной задачей было бы попытаться показать некоторые наиболее яркие подходы с тем, чтобы посмотреть, что их объединяет, и какие социальные силы их определяют. В частности, можно было бы сопоставить интерпретации знания и информации в широко известных футурологических концепциях «общества знания» и «суперсимволической экономики» Д. Белла, П. Дракера и Э. Тоффлера как представителей «правого» направления, — с «левыми» версиями постфордистского общества, неомарксистским подходом Г. Шиллера, теорией информационного капитализма М. Кастельса и описанием «состояния постмодерна» Ф. Лиотаром. Для полноты картины следовало бы также рассмотреть концепцию «публичной сферы» Ю. Хабермаса, теорию «рефлексивной модернизации» Э. Гидденса, понятие «гибкой аккумуляции» Д. Харви и «общество риска» У. Бека, однако каждая из перечисленных теорий заслуживает самостоятельного исследования и такая попытка потребовала бы по меньшей мере объема отдельной монографии. Поэтому ограничимся тем, что рассмотрим два подхода, представляющие крайние точки политического спектра — два варианта теории информационного общества в консервативном и радикально-критическом варианте. Для этого придется обратиться к хорошо известной и не раз подвергавшейся критике, но, тем не менее, вновь и вновь возрождающейся в обновленных интерпретациях теории постиндустриального общества, с одной стороны, и одной из версий критической теории — теории «потребительского капитализма» американского неомарксиста Г. Шиллера.

Для того чтобы соблюсти «историческую корректность», следует начать с хорошо знакомой «теории постиндустриального общества», представленной в 60-70-е гг. несколькими видными социологами. Наиболее известный вариант — это теория профессора социологии Гарвардского университета Д. Белла, изложенная в опублико-

ванной в 1973 г. книге «Приход постиндустриального общества». Его собственные многочисленные доклады на конференциях и семинарах, публикации в популярных академических изданиях, а также популяризация его идей П. Друкером в его книге «The Age of Discontinuity» и Ф. Тоффлером в его первой книге «The Future Shock» (1970), способствовали широкому распространению его взглядов. В этих теориях предсказывался переход к новому обществу, по значимости сопоставимый с переходом от аграрного общества к индустриальному. Теория постиндустриального общества стала объектом многочисленных дискуссий и споров и по многим аспектам была подвергнута критике. Кроме того, общий моральный и интеллектуальный климат на Западе после «нефтяного шока» 1973 г. также способствовал спаду общего оптимизма относительно возможностей «государства всеобщего благоденствия» с его распределительными функциями, что составляло ключевую посылку теории постиндустриального общества. Оптимизм 60-х гг. сменился настроением кризиса. Как известно, это настроение было успешно использовано партиями правого толка, неолибералами и неоконсерваторами, призвавшими к возврату к «викторианским ценностям», практике самовыживания и «свободного рынка». «Индустриальные» общества оказались лицом к лицу с теми же социальными и экономическими проблемами и конфликтами, как и в предшествующее столетие существования капитализма. Период всеобщего расцвета и благополучия представлялся теперь как счастливое исключение. Тем не менее, и в это десятилетие, и позже продолжают развиваться концепции «перехода» общества к чему-то радикально новому, хотя и с менее уверенной интонационной окраской. Этот переход теперь характеризуется в терминах наступающего (или наступившего) «информационного общества», одним из «авторов» которого снова выступает Д. Белл. Неслучайно даже основная работа Белла «Приход постиндустриального общества» была переиздана большим тиражом в 1999 г., а сам он длительное время продолжал играть важную роль в серьезных дискуссиях. Даже наиболее резкие критики Белла вынуждены признать, что его теория постиндустриализма — «самое дерзкое и крепко сбитое из всего ... что написано футурологами» [4].

В обновленной концепции Белла акцент смещен в сторону теоретического знания, которое он считает определяющим фактором, ценностью и источником роста будущего общества. В более поздних работах он все конкретнее связывает его с развитием новых информационных технологий и их возможным применением во всех сферах жизни общества. Революционность перехода к «новому обществу» определяется теперь через новые методы получения, обработки и распространения информации. Информация и в количественном, и в качественном отношении является ключевой для постиндустриального общества. С одной стороны, постиндустриализм ведет к увеличению информации, находящейся в пользовании. С другой — как считает Белл, — в постиндустриальном обществе происходит качественный сдвиг, особенно заметный в связи с возрастанием роли другого типа информации, того, что он называет теоретическим знанием [5].

Неудивительно, что теорию Белла с такой готовностью подхватили те, кто отстаивает возникновение информационного общества как новой парадигмы, и особенно выразители так называемого «менеджеризма», например, один из его виднейших «гуру» П. Друкер, а также некоторые популярные на Западе футурологи вроде Э. Тоффлера, утверждая, что изменение значения знания, начавшееся двести пятьдесят лет назад, преобразовало общество и экономику. Знание стало сегодня основным условием производства. Традиционные «факторы производства» — земля (т.е. природные ресурсы), рабочая сила и капитал — не исчезли, но приобрели второстепенное значение. Эти ресурсы можно получать, причем без особого труда, если есть необходимые знания. Знание в новом его понимании означает реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов.

Все эти изменения, как утверждается, желательны они или нет, являются необратимым процессом: знание теперь используется для производства знания. Это третий и, очевидно, последний шаг в его преобразованиях. «Использование знаний для отыскания наиболее эффективных способов применения имеющейся информации в целях получения необходимых результатов — это, по сути дела, и есть управление. В настоящее время знание систематически и целенаправленно применяется для того, чтобы определить, какие новые знания требуются, является ли получение таких знаний целесообразным и что следует предпринять, чтобы обеспечить эффективность их использования. Иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства». Это третье изменение роли знания определяется как революция в сфере управления. Как и на двух предыдущих этапах — применения знаний для разработки орудий труда, технологий, видов готовой продукции и применения знаний к процессам трудовой деятельности, — революция в управлении охватила весь мир [6].

В последних работах авторов этой волны все чаще звучит тема взаимосвязи знания и власти. По Тоффлеру, например, «появление новой системы создания материальных ценностей подорвало все опоры старой системы власти, изменив, в конечном счете, семейную жизнь, бизнес, политику, государственное устройство и саму по себе структуру мировой власти ... решающее различие между насилием, богатством и знанием... в том, что и сила, и богатство, по определению, являются собственностью могущественных и состоятельных. Поистине революционная характеристика знания заключается в том, что им могут обладать также слабые и бедные. Знание — это демократический источник власти. Это делает его постоянной угрозой власти имущим, даже если они используют его для укрепления собственного могущества. Это также объясняет, почему каждый, обладающий властью — от семейного патриарха до президента компании или премьер-министра страны — хочет контролировать количество, качество и распределение знаний внутри своего владения. При этом сам термин «знание» он использует в расширенном смысле, имея в виду информацию, данные, представления и образы, а также подходы, ценности и прочие символические продукты общества, независимо от того, «истинны» они, «приблизительны» или «ложны» [7]. Очевидно, что подобная эмоционально нагруженная риторика, провозглашающая знание в качестве «демократического источника власти» в институциональном обществе, основанном на социальной и экономической иерархии, звучит хотя и оптимистично, но, скорее всего, несколько преждевременно, если не сказать наивно.

Кроме технологического и экономического критериев определения «радикальной новизны» информационного общества, другим, выводимым из первых двух, является параметр изменений в сфере занятости. Он, как правило, выражается в тезисе о том, что с глобальным распространением информационно-коммуникативных технологий и «суперсимволической экономики» резко возрастает роль не просто «профессионалов», по Беллу, а специалистов, связанных с передачей, обработкой и управлением информацией. Этот тезис также чаще всего страдает недостаточной подкрепленностью фактами. Во-первых, сама категория «информационных работников» в ее формулировке разными авторами оказывается весьма размытой и слишком гетерогенной [8]. Сюда относят «создателей, манипуляторов и поставщиков потока информации, образующего постиндустриальную, постсервисную глобальную экономику, включающего ученых-исследователей, инженеров-разработчиков, программных аналитиков, биотехнологов, специалистов по связям с общественностью, юристов, банкиров, консультантов по менеджменту и маркетингу, кинорежиссеров, издателей, писателей, журналистов и пр. [9]. Очевидно, что такие всеохватывающие определения мало способствуют ясности понимания реальной ситуации.

Кроме того, в глобальном контексте ситуация, складывающаяся в сфере занятости, достаточно неравноценна. Если в экономически развитых странах действительно наблюдается возрастание «интеллектуальной» профессиональной группы, в большей части земного шара пока рано говорить о создании «общества знания» на основе данного критерия [10]. Конкретный анализ ситуации в таких странах, как США, Великобритания и Япония на протяжении последних двух-трех десятилетий свидетельствует о возрастании числа «информационных работников» нижнего звена, связанных с передачей и технической обработкой информации, при этом число занятых производством информации оказывается гораздо ниже. Кроме того, такой рост наблюдался главным образом в частном и корпоративном секторе, при общем сокращении «интеллектуальных работников» в общественной сфере. Очевидно, что в значительной мере само развитие коммуникативных технологий обязано целенаправленной политике правительств, в том числе дискурсивной, финансовой и образовательной, с энтузиазмом подхвативших и активно продвигающих идеи информационного общества и «всеобщей информатизации» [11].

Нетрудно заметить, что в философском плане понятие «информационного общества» успешно вписывается в либеральную, прогрессивистскую традицию западной мысли. В нем сохраняется вера Просвещения в рациональность и прогресс. Несмотря на провозглашаемую «радикальную» социетальную трансформацию, авторы подобных концепций, как правило, в идеологическом плане занимают «центристскую» позицию, а сама идея отождествления знания и его накопления с более высокой эффективностью и свободой лежит в русле взглядов Сен-Симона, О. Конта и позитивизма в целом [12]. Несмотря на то, что сам Белл, будучи, по выражению Ф. Уэбстера, «слишком изощренным и лукавым мыслителем», решительно открещивается от обвинений в технологическом детерминизме и эволюционизме с его историзмом и телеологическим мышлением, критики тем не менее отмечают, что из его работы трудно не сделать вывода о том, что постиндустриальное общество в его интерпретации имплицитно оценивается как превосходящие все до этого существующие системы и о том, что мы неизбежно движемся к нему благодаря глубинным социальным тенденциям [13]. Однако главное возражение состоит даже не в том, что технология рассматривается как главный двигатель социальной динамики, что в конечном счете приводит к упрощенному объяснению социальных перемен. Гораздо важнее то, что провозглашение первостепенного и самодостаточного положения технологий создает удобную иллюзию их независимости от социального, экономического и особенно политического измерений, выполняя тем самым легитимирующую функцию для расширения и укрепления всеобщего корпоративного и государственного контроля над членами общества, того, что Э. Гидденс называет *surveillance* («надзор, наблюдение»), и что, по его мнению, является неотъемлемым элементом «рефлексивной модернизации» [14].

В отличие от позитивистского оптимизма энтузиастов информационного общества представители критической теории в ее современном американском истолковании, к которым принадлежит профессор Калифорнийского университета Герберт Шиллер (1919-2000), признавая возрастающее влияние информации на общественное развитие в последнюю половину столетия, тем не менее не склонны впадать в чрезмерный восторг по этому поводу и делать поспешные выводы о вступлении в «новые времена» и изменении сущности социально-экономических отношений. В отечественной литературе достаточно хорошо известны некоторые взгляды другого видного представителя последнего поколения «критических философов», Ю. Хабермаса, поэтому не будем здесь на них останавливаться. Ограничимся лишь тем, что отметим, что позиция Хабермаса, как он сам признает, не является чем-то раз и навсегда определенным, и несколько раз за последние десятилетия изменялась. В связи с некоторыми его воззрениями его часто критикуют за излишнее увлечение лингвистикой и упрекают в отказе от радикализма и смещении в сторону консерватизма [15].

Г. Шиллер, работы которого в России гораздо менее известны [16], сохранил приверженность «левым» взглядам на протяжении всей своей жизни. Экономист по первоначальному образованию, он 30 лет был профессором по процессам коммуникации. Это, а также его марксистские взгляды, во многом определило подход к «информационной революции». По его мнению, несмотря на то, что мы живем в эпоху, когда «производство и распространение ... «информации» становится для всего общества важнейшим — по любым меркам — и абсолютно необходимым делом», ни о какой «революции» на самом деле говорить нельзя. Информация и коммуникация — лишь основные составляющие давно сформировавшейся и хорошо известной капиталистической формации. Соглашаясь с тем, что «сегодня мы производим больше информации, чем когда-либо ранее» и что «нет сомнения и в том, что подобных средств для создания, хранения, поиска и обработки и распространения информации не было никогда раньше, и это относится как к их количеству, так и к качеству» [17], он настаивает, однако, что вопреки мнению, что капитализм меняет свою природу, основные императивы рыночной экономики остаются теми же самыми, какие бы изменения ни происходили в технологической и информационной сферах. Для адекватного понимания сущности, роли и перспектив информации и новых технологий можно сформулировать основную проблему в терминах хорошо известных понятий, а именно — попробовать ответить на простые вопросы: кому эти технологии выгодны, в чьих руках находится контроль над их применением? По чьей инициативе они разрабатываются, кто поддерживает их разработку, кто их применяет и чьи интересы просматриваются при поддержке инноваций?

В своем анализе развития информационной сферы Шиллер опирается на следующие основные аргументы. Во-первых, необходимо признать, что по отношению к любым инновациям рынок выполняет решающую роль. Именно диктат рынка определяет важное направление развития информации, а именно — ее коммодификацию, то есть превращение в товар. Во-вторых, основным фактором, влияющим на доступ, право создания и распространение информации продолжает оставаться социальное неравенство. В-третьих, как и другие критики неомарксистской направленности, он подчеркивает специфическую для данного этапа капитализма роль корпораций с гиперконцентрацией капитала, диктующих свои интересы не только государству, но и международному сообществу. Именно интересы корпоративного капитализма доминируют в информационной сфере, определяя в качестве приоритетов развитие информации и коммуникативных технологий прежде всего в интересах частного бизнеса, а не в интересах общества в целом. Таким образом, ключевыми особенностями «информационного общества» являются те самые, давно выявленные структурные составляющие и мотивы развития, которые изначально свойственны капитализму. Более того, ситуация рефлексивна в том смысле, что, с одной стороны, информационное общество есть отражение императивов капитализма, и корпоративные и классовые интересы и приоритеты рынка во многом определяют развитие информационных технологий. С другой стороны, само развитие информации позволяет сохранить и утвердить капиталистическую систему. Как убедительно показывает сын Г. Шиллера, Дэн Шиллер, об этом свидетельствует конкретная история развития информации и связанной с ней техники во второй половине 20-го века. При этом корпоративные заказчики и пользователи информации всегда заручались поддержкой политической элиты, лоббируя необходимые им реформы [18].

То же самое касается и развлекательной индустрии: и содержание, и форма и само создание новых средств передачи информации, например, открытие новых телевизионных каналов, новых программ, новых интернет-сайтов, как правило, определяются чисто экономическими интересами. Неслучайно в последнее время активно развивается «экономика культуры» как самостоятельное направление экономи-

ки, а «культурные индустрии» переместились в центр экономики в глобальном масштабе. Многие из них (например, Disney, Rupert Murdoch's News Corporation) занимают ведущие места по уровню экономической активности и обороту [19]. В свою очередь, по мере того как корпоративный капитализм становится все более зрелым, сама информационная индустрия становится его интегральной частью и действенным началом его развития. Поэтому история становления корпоративного капитализма — это и история становления медийных корпораций [20].

Таким образом, утверждает Г. Шиллер, «то, что называется информационным обществом, фактически не более чем производство, обработка и передача очень большого количества данных обо всем: об индивидах и нациях, об обществе и процессах обмена в нем, об экономике и о военном деле. Большая часть этой информации создается с тем, чтобы удовлетворить потребности гигантских корпораций промышленно развитых стран в очень специальных сведениях, а также их бюрократию и командование вооруженных сил» [21]. Акцент на рыночную привлекательность инноваций неизбежно приводит к перемещению научного потенциала с решения проблем, направленных на благосостояние общества, связанных с улучшением здравоохранения, условий жизни и труда, защитой окружающей среды, в сторону решения корпоративных задач. Эта тема особенно актуальна в последние десятилетия в связи с пересмотром целей и реформированием системы университетской науки, системы высшей школы и образования вообще правительствами «новых правых» начиная с 1980-х годов. Эта политика, в целом продолженная «новыми лейбористами» и направленная на сворачивание «государства общественного благосостояния» и внедрения неолиберальных принципов во все социальные сферы, находится все последние десятилетия в центре обширной полемики. Массовизация университетского образования, подчинение его экономическим приоритетам и реструктурирование его на основе принципов менеджизма все более превращает систему образования в некую фабрику по подготовке «эффективной и гибкой» рабочей силы [22]. Взгляд на образование как на индустрию для повышения государственной конкурентоспособности и как на прибыльный вид услуги, успешно продаваемой на мировом рынке, существенно сужает и ограничивает общественные и культурные задачи образования, обычно связанные с пониманием высшего образования как «общественного блага». Соответственно, подрывается принцип относительной независимости университетов от политических и корпоративных влияний, который поддерживался гарантированным государственным финансированием и профессиональной автономией.

Результаты такого подхода легко обнаружить не только в области образования, но и во всех сферах культуры: сокращается финансирование и соответственно ограничивается доступ в библиотеки, театры, на выставки, растут цены на любую релевантную информацию. Естественно, что изменения в финансировании образования и «учреждений культуры», направленные на их коммерциализацию, неизбежно сказываются на качестве, производстве и потреблении самой «информации»: знание, преподаваемое в университетах и передаваемое через средства массовой коммуникации, становится, по выражению Ф. Лиотара, все более перформативным [23]. Сама информационная сфера и ее развитие изначально является важным условием консьюмеризма, или, как его называет Шиллер, «потребительского капитализма» (*consumer capitalism*). Очевидно, трудно не провести аналогий с соответствующими процессами в отечественной социальной системе, протекающими в еще более экстремальной форме.

В целом, подводя итог хотя и очень беглому анализу подхода Г. Шиллера и его видения «информационного общества», следует подчеркнуть, что его позиция в отстаивании позиций критической теории отличается большей последовательностью по сравнению с некоторыми другими представителями «нового» поколения франкфуртской философии. Критическая аргументация, развиваемая в его работах, со-

держит оптимистический потенциал и намечает альтернативу позитивистскому детерминизму «правых» интерпретаций «общества знания».

В заключение можно заметить, что даже весьма беглое знакомство с пониманием информации и знания влиятельными социальными теоретиками свидетельствует о неадекватности упрощенческих подходов многих политиков и «практиков», вдохновленных информационной технологической революцией, возможностями Интернет и перспективами виртуальной реальности, и предсказывающих «очевидные» и «неизбежные», на их взгляд, социально-экономические последствия: трансформацию труда, переворота в области образования, новое рождение корпоративных структур, переоценку демократии, и т. п. Опыт современной социальной теории, со всей ее неоднозначностью и противоречивостью показывает, что подобные поверхностные и «прямые» попытки спроецировать развитие информационных технологий, знания и образования на развитие общества в целом, так же как и более ранние концепции постиндустриального общества, как правило, заражены вирусом технократического и сциентистского детерминизма. В то же время сама современная социальная теория в сочетании с эмпирическими данными намного богаче и содержит достаточный потенциал для понимания и объяснения последних тенденций в развитии роли знания и информации в том обществе, современниками которого мы являемся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New theories of the contemporary world. Oxford, UK & Cambridge, USA: Blackwell, 1996. P. 1.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2002. С. 100.
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. (пер с англ.) М.: Аспект Пресс, 2004. С. 6.
4. Kumar, K. Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society. Alien Lane, 1978. P. 7.
5. Bell, D. On Meritocracy and Equality (From «The Coming of Post Industrial Society») // Power and Ideology in Education / Ed. by J. Karabel & A. H. Halse. N. Y.: OUP, 1977. P. 615.
6. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 71, 95-96, 98.
7. Тоффлер Э. Указ. соч., С. 32, 41-42.
8. См.: Gouldner, A. The New Class Project // Theory and Society, 6 (2). PP. 153-203; Perkin, H. The Rise of Professional Society: Britain since 1880. Routledge, 1989. P. 2; Reich, R. B. The Work of Nations: Preparing ourselves for 21st century capitalism. New York: Vintage, 1991.; Castells, M. The Rise of the Network Society. Oxford, et al.: Blackwell Publishers Ltd. 1997. 556 p.
9. Rifkin, J. The End of Work: the decline of the global labour force and the dawn of the post-market era. N. Y.: G. B. Putnam's Sons, 1995. P. 174.
10. Jarvis, P. Globalization, the Learning Society and Comparative Education // The Routledge Falmer Reader in Sociology of Education. Ed. by Ball, S. J. Routledge-Falmer: Tavior & Francis Group, 2003. P. 74.
11. Robins, K. & Webster, F. The Technical Fix: Education, Computers and Industry. Macmillan, 1989. 232 p.
12. Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New theories of the contemporary world. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1996. P. 3.
13. Уэбстер Ф. op. cit, P. 48.
14. Giddens, A. The Nation State and Violence: Volume Two of Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity, P. 310.
15. Morrison, K. Juergen Habermas // Fifty Modern Thinkers on Education / Ed. by Palmer. London & N.Y.: Routledge, 2001. P. 215-224.
16. См., например, Schiller, H. Mass Communications and American Empire. New York: Augustus M. Kelley, 1969; The Mind Managers. Boston, MA: Beacon; 1973; Who Knows: Information in the Age of Fortune. Norwood, NJ: Ablex, 1981; Information and the Crisis Economy., 1984; Culture Inc.: The Corporate Takeover of Public Expression. New York: OUP, 1989.
17. Schiller, H. The Communication Revolution: Who Benefits? // Media Development, № 4. P. 18.

18. Schiller, D. Telematics and Government. Norwood NJ: Ablex, 1982. P. 109-195.
19. Hesmondhalgh, D. The Cultural Industries, London, et al.: SAGE Publications, 2002. P. 1.
20. Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 181.
21. Schiller, H. Who Knows: Information in the Age of Fortune. Norwood, NJ: Ablex, 1981. P. 25.
22. См., например: Apple, M. Cultural Politics and Education. Buckingham: OUP, 1996. 149P.; Apple, M. Educating the «Right» Way: Markets, standards and inequality. UK: Routledge, 2001. 306 P.; Avis, J., Bloomer, M., Esland, G., et al. Knowledge and Nationhood: Education, politics and work. London: Cassell, 2000. 198 P.; (The) Postmodern University?: Contested Visions of Higher Education in Society / Ed. by Smith, A. & Webster, F. Buckingham: SRHE & Open University Press, 2002. 125 P.; Naidoo, R.. Repositioning Higher Education as a Global Commodity: opportunities and challenges for future sociology of education work // British Journal of Sociology of Education. Vol. 24. № 2. 2003. P. 249-259.
23. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Manchester: Manchester Univ. Press, 1984.

Алексей Игоревич ПАВЛОВСКИЙ —
старший преподаватель кафедры
философии, кандидат философских наук

УДК 1:72

ПОДРАЖАНИЕ ПРИРОДЕ КАК АНТИЧНЫЙ ИДЕАЛ ПРЕКРАСНОГО: РОЖДЕНИЕ СИМВОЛА

АННОТАЦИЯ. В статье рассказывается о разрушении первобытного представления о единстве человеческого и природного, становлении искусства как формы преодоления этого разрыва и рождении символа как проявления возникающей связи.

In this article we touch upon the destruction of the primeval idea of the unity of the human and the natural, also we observe the development of art as a form of overcoming this destruction and the symbol as expression of the developing connection.

Пожалуй, вопрос о том, почему мир человеческий и мир природный все же оказались отделенными друг от друга, остается одним из самых сложных и до сих пор не разрешимых вопросов, имеющих отношение к развитию человечества. Существует много подходов к объяснению этого своеобразного феномена, случившегося при переходе от первобытности к цивилизации.

В рамках марксистской философии отчуждение человека от природы считается следствием его «отрыва от результатов собственного труда», что связывается с разделением труда и возникновением соседской общины. Если всмотреться внимательно в эту логику рассуждения, выглядеть она будет примерно так. Производительность человеческого труда вырастает вследствие изобретения новых орудий труда и создания новых технологий и типов организации производственного процесса. В результате всего этого возникает эксплуатация и государство как механизм ее осуществления.

В этом отношении довольно интересен лосевский анализ взаимоотношений раба и рабовладельца, легших, по его мнению, в основу развития античной философии. Рабовладелец и раб выступают в качестве базиса для разделения на дух и материю, символически выражающие эти две стороны взаимоотношений между людьми в процессе труда. Философия возникает на основе разделения духа и материи, единичного и общего и т. д. Философия возникает там, где мыслится разделение и посему всякая «серьезная» философия (потому что при широком истолковании этого термина туда можно вложить все что угодно) начинается с того, что кто-то помыслил противоположности, то есть стал мыслить диалектически (в древнегреческом, а не современном смысле этого слова). Начальным пунктом развития философии считают античность. В своей статье «Античный космос и современная наука» А. Ф. Лосев приходит к ин-